

Валерий  
КУСТОВ

# ДУША РОССИИ на распутье

**В** настоящее время в России остро стоит вопрос активизации общественного и экономического развития. В третье тысячелетие страна вошла с поучительным опытом разнотипного собственного переустройства – как социалистического, так и капиталистического. И этот непростой опыт все больше подсказывает необходимость такого жизнеустройства, которое максимально активизировало бы людей на труд и давало бы ощущение счастья. Все в большей степени мы понимаем, что психологические особенности русских, россиян, наша душа требуют соответствующего жизнеустройства, где бы различные «измы» занимали не главенствующую роль, где бы мы думали больше не о том, какой у нас тип социально-государственного устройства, а насколько оно соответствует душе нашего народа, нашим архетипам.

В этом случае развитие общества будет наиболее гармоничным.



Валерий Николаевич Кустов –  
председатель Совета директоров  
Группы компаний «ЭФКО»,  
кандидат психологических наук

## Два типа цивилизаций

В настоящее время все чаще говорят о двух типах цивилизаций: цивилизации, придающей решающую роль индивидуализму человека (типичный представитель – США), и цивилизации, уделяющей приоритетное

внимание коллективу, общине, народу (типичные представители – страны исламского мира).

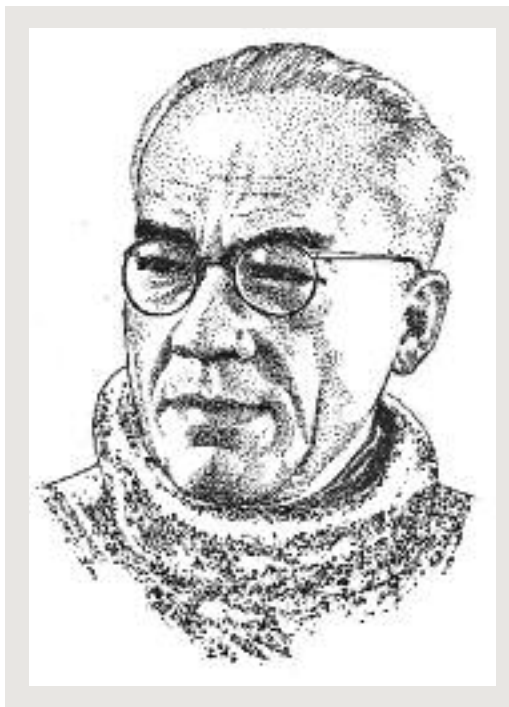
Россия при этом вновь занимает свое особое место. Длительное время она была оазисом общинной психологии, коллективизма. В начале 90-х годов ее общественно-экономическая жизнь стала переходить на принципы индивидуализма, абсолютизации роли и значимости эгоизма, внедрять способ производства и особые отношения между людьми, которые приняты в американском обществе. Россия испытала и государственное устройство, построенное на принципах всеобъемлющего коллективизма, и устройство, при котором индивидуализм и стремление к наживе любой ценой захватили большую часть населения. Сейчас Россия переживает период, когда русский народ все отчетливее осознает, что дикий капитализм и стихия индивидуализма встречают внутреннее сопротивление в глубине его души.



Многие психологи говорили, что государственное устройство людей должно учитывать особенности архетипов их бессознательного. Так, Гюстав Лебон отмечает: «Врожденные представления составляют наследство расы, завещанное отдаленными или ближайшими предками, наследство, воспринимаемое человеком бессознательно при самом рождении его и направляющее его поведение. Приобретенные или умственные представления суть те, которые человек приобретает под влиянием среды и воспитания. Они направляют рассуждение, разъяснение, толкование, и очень редко – поведение. Их влияние на действия остается совершенно ничтожным до тех пор, пока представления, наследственно повторяясь в поколениях, не перейдут в область бессознательного и не сделаются чувствами. <...> Если и удастся иногда приобретенным представлениям восторжествовать над врожденными, то это бывает только тогда, когда последние были уничтожены врожденными же представлениями противоположного свойства, как это случается, например, при скрещивании представителей различных рас».

Подтверждением данных слов служат события, происходящие в России. Россия – страна традиционного коллективизма, общинности, людей особого состояния духа. На определенном этапе развития в силу имманентных, большей частью психологических причин на почве российской истории упали семена, призывающие к общественному строю, основанному на личном интересе, эгоизме. Да, были объективные экономические причины для появления такого мнения. Но это мнение в полной мере не учитывало архетипы русского народа. Оно направляло рассуждения, разъяснения, толкования приоритетов общественного развития, но в итоге несколько не изменило душу народа. Беззащитный эгоизм, стремление к наживе как универсальный способ мотивации людей так и не стали определяющими архетипами нашей нации.

Как реакция на происходящее пробуждается стремление русского народа, его элиты не к инди-



**Говоря о русском характере, Иван Солоневич (на иллюстрации) отметил в нем «глубочайший и широчайший во всей истории человечества государственный инстинкт». Именно этот инстинкт направляет наш народ на путь мобилизации государственного потенциала для выхода из, казалось бы, безвыходного положения тотального крушения Государства российского**

видуальному накопительству, а к государственности.

Говоря о русском характере, Иван Солоневич отметил в нем «глубочайший и широчайший во всей истории человечества государственный инстинкт». Именно этот инстинкт направляет наш народ на путь мобилизации государственного потенциала для выхода из, казалось бы, безвыходного положения тотального крушения Государства российского.

Зная об этом инстинкте, об этом архетипе, можно ли было навязывать русскому народу путь развития, построенный на естественном эгоизме людей? Если любому народу навязать такое общественно-государственное устройство, которое не соответствует его архетипу,

то психология людей после некоторого неосознаваемого периода подобно маятнику пойдет в обратную сторону, выплескивая вместе с ненавистью, неудовлетворенностью и то положительное, что содержится в общественном устройстве, построенном на индивидуалистическом начале.

Стремление к коллективизму, общинность быта – это традиционные черты русского народа. Поэтому общественное устройство, не учитывающее их, обречено на провал.

У русских людей традиционно была высокая зависимость – как экономическая, так и психологическая – от соседей. Это вытекает из фундаментальных психологических особенностей русских людей и нашего общественного сознания. Можно го-

ворить о наличии в русском народе, в его общественном и индивидуальном сознании эффекта так называемого двойного зажима. Этот эффект позволяет чувствовать, воспринимать противоположные явления и процессы. Для русского народа характерны тяга к справедливости, истине, сострадательность, глубокое осмысление действительности, однако отсроченное по времени от конкретной ситуации.

Психология русских такова, что высокая эмпатичность является одной из фундаментальных национальных особенностей. И потребность в эмпатии, общности взглядов и чувств предопределяет тот факт, что эти чувства оказываются нередко сильнее чувства обогащения, чувства частной собственности – или, во всяком случае, борются с ними. Отсюда ограниченность схем мотивации, построенных только на достигнутых и ростовщических мотивах. Попытки перенести в российскую действительность систему управления персоналом западного типа оказываются удачными лишь в узком слое русских, перенявших данную культуру. Однако эта культура заимствовалась – и в значительной степени – за счет эффекта двойного зажима: тянуло и к тому, что было новым, необычным.

Эмоциональная зависимость русских людей от окружающих, от своих соседей и товарищей привела к особой значимости для нас мо- ➔



Михаил Нестеров. На Руси. Душа народа. 1915-1916 годы

**Богоискательство, стремление к добру, поиск всеобщей справедливости и смысла жизни так характерны для русского народа. Искони на Руси всем народом принимались больше те идеи, которые содержали в себе проповедь справедливости**

→ ральных норм. Эти нормы построены так, что каждый может рассчитывать на помощь окружающих. Такой моральный стандарт более соответствует архетипу русского народа. Достижение цели у русских нередко происходит сообща, «строим», коллективно.

По своему восприятию русский человек более эмоционально-чувственный, чем абстрактно-логический. Особенно рельефно это отличие характерно для современных крестьян (а раньше Россия более чем на 90 процентов была крестьянской). Эмоционально-чувственная личность более ранима, более склонна к внутренним переживаниям. Внутренняя жизнь для русского – довольно трепетное состояние. Восприятие внешних влияний и воздействий, если они не соответствуют состоянию души, протекает сложно и противоречиво. В конечном счете такие идеи встречают сопротивление в глубине русской души, в глубинах бессознательного.

Соприкосновение же душ у русских протекает как процесс не только эмпатичный, но и полный содержания и определенного смысла. Отсюда такая значимость для русских совместных идей и идеологического объединяющего начала.

Богоискательство, стремление к добру, поиск всеобщей справедливости и смысла жизни так характерны для русского народа. Искони на Руси всем народом принимались больше те идеи, которые содержали в себе проповедь справедливости. Для русских важно, чтобы было хорошо всем, а не только конкретному индивиду. И это вытекает из психологической сущности архетипов русских людей, для которых эмоциональное сближение, эмпатия с близкими по духу – зачастую более значимые ценности и потребности, нежели личное обогащение.

А если это так, если это соответствует архетипам русской души, то и организация общественной жизни на основе эгоизма и индивидуализма приведет к противоположной реакции, будет малоэффективной.

Материальное производство у русских развивается более высокими темпами, когда все поглощено одной национальной идеей, когда нации трудно, когда у нее нет иного выхода, как развиваться быстро, безудержно, стремительно.

Индустриализация, перевод народного хозяйства с мирных рельс на военные, восстановление экономики, ее развитие с целью достижения близкого светлого будущего давали

невиданные в истории темпы развития. Все это достигалось за счет сплочения нации, активизации моральных мотивов к труду и подавления в себе эгоистических импульсов. Для русских более просто и естественно подавить в себе эгоистический инстинкт, нежели инстинкт к эмоциональной идентификации, инстинкт общности, коллективизма. Этот инстинкт находится в бессознательном, архетипах русского народа достаточно давно. Неслучайно на Руси не было рабства, а общинное устройство рассматривалось как особый фактор, предопределяющий ее социальную структуру в целом, неслучайно Россия стала первой социалистической страной.

Общность для русских важна не только как эмоциональный факт, но и как духовное единение, как смысл жизни. Именно поэтому смыслообразующие идеологии на Руси получают поддержку у народа. Все стремления, построенные на использовании только общечеловеческих инстинктов, наоборот постепенно затухают.

Русское общество, как и любое другое, социально неоднородно. Так было всегда, так будет и в дальнейшем. Мир не знает примеров построения социально однородных обществ. Мир не знает также примеров, когда при неудовлетворенных первичных, базовых потребностях людей они в массовом порядке искали бы смысл жизни. В этом состоянии любой человек, в том числе и русский, включит механизмы самовывживания и будет бороться за кусок хлеба и глоток воды.

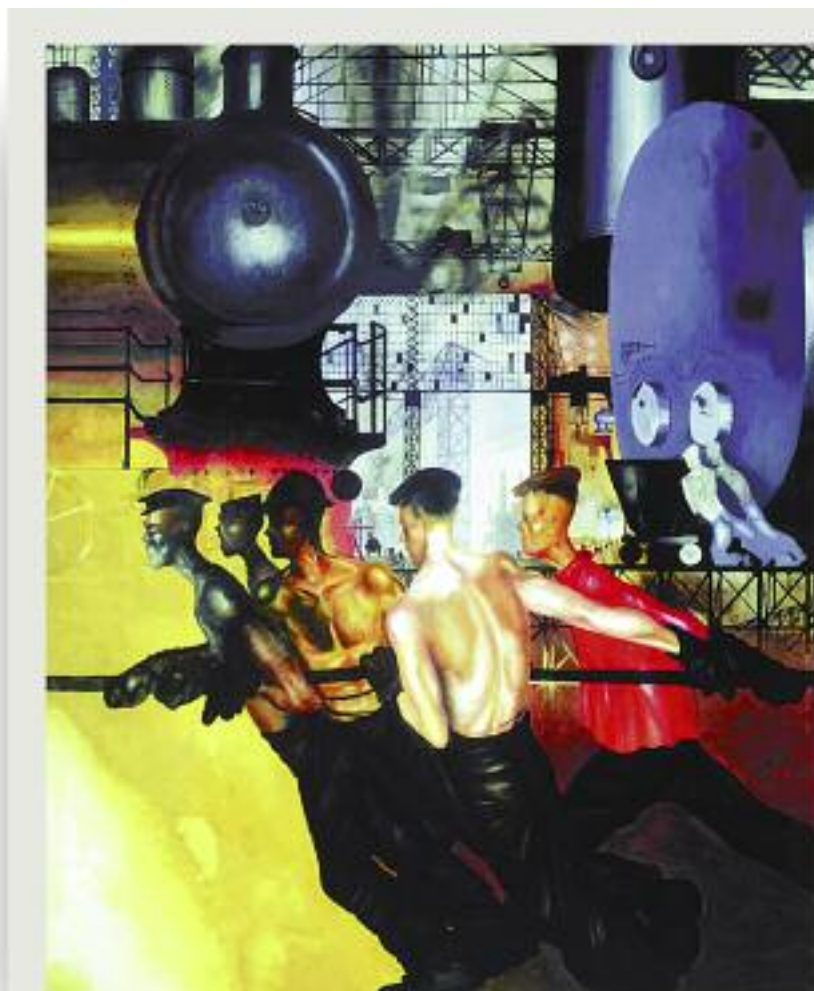
Но для России характерна минимизация первичных потребностей. Типичному русскому стыдно есть что-то, когда на тебя глядят глаза голодных детей. Он обязательно поделится. Минимизация первичных потребностей – это и хорошо, и плохо. Хорошо – потому что община, коллектив обеспечивает удовлетворение минимальных потребностей людей. Плохо – потому что это не способствует усердию сильных, чтобы иметь больше и лучше. У сильных личностей включаются защитные реакции, и они начинают оправдывать перед собой и другими тот факт, что не напрягаются с полной отдачей. Подобное явление в массовом масштабе наблюдалось и в период социализма, особенно в 70–80-е годы, когда идея национального спасения, выживания нации уже фактически не действовала, а идея внешней опасности в полной мере не срабатывала.

Для русских всегда была характерна минимизация потребностей (много иметь и есть, когда другие голодают, стыдно, а перенапрягаться, трудиться так, чтобы много есть всем, наиболее сильным неохота). Эту историческую черту отмечал в свое время еще Отто фон Бисмарк: «Россия опасна мизерностью своих потребностей».

Эмоциональная, духовная взаимозависимость выступала одним из основных факторов, ограничивающих величину базовых потребностей людей. Это было свойственно русским, россиянам в период Великой Отечественной войны и в период послевоенного восстановления экономики, это характерно и по сей день.

В России, по данным известного социолога Натальи Римашиевой (1999), субъективно бедными и малообеспеченными считают себя лица, которые:

- недоедают;
- не имеют средств на ремонт и покупку необходимой одежды и обуви;
- не могут приобрести холодильник, самую простую мебель и даже черно-белый телевизор;
- не имеют средств на приобретение жизненно важных лекарств;
- не могут обратиться к платным врачам;
- не могут оплатить похороны;
- не могут даже иногда покупать фрукты и сладости детям;



Юрий Пименов. Даёшь тяжёлую индустрию! 1927 год

**Материальное производство у русских развивается более высокими темпами, когда все поглощены одной национальной идеей, когда нации трудно, когда у нее нет иного выхода, как развиваться быстро, безудержно, стремительно**

- не имеют в полной мере средств на питание детей в школе и оплату детского садика или яслей.

К бедным исследовательница относит тех, кто испытывает два и более лишения из перечисленных выше. В то же время, например, у английской семьи критерии бедности совершенно иные. Субъективно бедными себя считают те англичане, которые не имеют возможности ежегодно отдыхать вне дома. Россияне же даже не упоминают этого в критериях бедности.

Следует отметить, что выявление бедных через лишения дает иной результат, нежели ориентация на прожиточный уровень. Бедных, выявленных через лишения, в России оказалось в два раза меньше,

чем через определенных в соответствии с величиной прожиточного минимума. К тому же на селе, несмотря на более низкий уровень дохода, субъективно бедными себя считают немногие (процент таковых меньше, чем в городе): здесь на психологическом уровне происходит минимизация потребностей, но эти минимальные потребности удовлетворяются с большей гарантией, чем в городе. Так, в городе люди могут голодать, а на селе представить такое можно только в случае с отпетыми лодырями. Минимальное, но гарантированное удовлетворение потребностей – это фактор, заставляющий обеими руками держаться за свое подворье и коллективное ведение хозяйства. Общинная жизнь →

→ на селе никогда не прекращалась. Похороны, рождение ребенка, пожар и пр. всегда были делами общими, коллективными. И человек в условиях общинной психологии никогда не оставался один на один со своим горем. Для селянина не такое уж частое явление, когда он субъективно ощущает себя очень бедным. Он чаще всего таков, как и все. И хотя материальная планка бедности на селе может быть ниже, чем в городе, люди себя бедными, как правило, не считают.

Если на селе потребности минимизировались, то в городе имеют место разные процессы. С одной стороны, стремление к достатку и богатству, с другой стороны – выделение групп населения, которые довольствуются малым и у которых также происходит психологический сдвиг в сторону минимизации потребностей и снижения достиженческой мотивации.

Когда потребности минимизируются и люди получают гарантированный минимум, у них возникает эмоциональное удовлетворение от общения. Общение как роскошь человеческого бытия более проявляется в среде равных. Потребность в общении фиксируется в архетипах, которые можно выявить разными путями.

Во-первых, современными исследованиями установок бессознательного.

Во-вторых, с помощью экспертных оценок лиц, которые недавно приехали в Россию, либо же с помощью наших людей, оказавшихся в силу каких-то обстоятельств за границей. У русских, вдруг ощутивших на себе влияние иной культуры, обостряется стремление жить так, как велят им их совесть, голос предков, архетипы.

В-третьих, через изучение исторических событий и фактов, особенно прошлого столетия, когда Россия смела институт частной собственности, провела поголовную национализацию и когда так же резко отказалась от самых высокопродуктивных государственных, общенародных проектов в пользу их денационализации, в пользу частного капитала.

Таким образом, архетипы не есть вещи в себе, они поддаются рациональному осмыслению.



**Франц фон Ленбах.  
Князь Отто фон Бисмарк. 1879 год**

---

**Отто фон Бисмарк:  
«Россия опасна  
мизерностью  
своих потребностей»**

---

Одним из таких архетипов является стремление к коллективизму, общинности, соборности. И в этом стремлении Россия не одинока, подобный тип цивилизации характерен для многих народов. В такой цивилизации влияние общественного мнения на поведение индивида исключительно сильно, порой тотально. Подобное влияние очень эмоционально и психологично. Люди общинной культуры эмоционально, эмпатично зависимы от других лиц. Эта психологическая зависимость усиливается зависимостью экономической. Аналогичные личности есть и на Западе, но там они воспринимаются скорее как отклонение от нормы, когда доброе отношение окружающих, их эмпатия оказываются настолько сильными базовыми потребностями, что порой (в своих крайних проявлениях) становятся выше потребности в безопасности и даже затмевают собой инстинкт самосохранения. Как в одном из сонетов Уильяма Шекспира: «Убей меня, но будь ко мне добра».

Для этих людей сделать что-то против своих – себе дороже. Настрой коллектива против такой личности лишает ее комфорта общественного существования – эмпатии,

сочувствия, совместного переживания, – в то время как потребность именно в этом является для нее определяющей. Неслучайно в минуты радости и горя люди тянутся друг к другу. Радость усиливается, когда радуются другие, а горе легче преодолевается в компании.

Однако для разных людей потребность в общении и в одиночестве неодинакова. Есть те, кто не мыслит себя вне коллектива, вне общения, для кого отсутствие эмоциональной эмпатии – это трагедия, горе. Но есть и другие – лишённые такой психологической особенности. На самом деле она у них есть, но проявляется в ситуации стресса, во время лишений и страданий. В условиях же обычной жизни

этим людям чужда сострадательность. Они нацелены на достижение собственных целей любой ценой. Это типичная ростовщическая психология: я дам тебе деньги, но ты верни больше во что бы то ни стало. Человек с такой психологией не учитывает того, что иному вернуть сложно – а иногда и невозможно – даже взятую сумму. Но с другой психологией ростовщик разорился бы. А вот эмпатичная личность просто не в состоянии стать ростовщиком.

Было бы неправильно оценивать эти разные личности по шкале «плохой–хороший». Ростовщический тип личности также необходим – благодаря ему происходит концентрация капитала, общество развивается более высокими темпами. Пусть этому настрою сопутствуют безжалостность и бездушность, но нередко эти качества приносят успех в чем-то важном и нужном. Тот же Шекспир замечал: «Чтоб добрым быть – жестоким быть обязан».

Между тем есть люди, для которых эмоциональный разрыв с окружающими смерти подобен. Эмпатия для них – одна из основных, базовых потребностей. Такие люди зависимы от окружающих, они боятся потерять их доверие и взаимопонимание с ними. Для общества коллективного типа особо значимо установление и соблюдение норм взаимоотношений между людьми. Если человек не обладает способностью чувствовать, предугадывать отноше-

ние другого к себе, реакцию окружающих на то или иное действие, он просто не приживется в подобном сообществе.

Российское общество – именно такое. У нас менее выражена ростовщически-достиженческая психология. Как считал Николай Бердяев, «душа русского народа никогда не поклонялась золотому тельцу и <...> никогда ему не поклонится в последней глубине своей». Но неверно считать людей с общинной, коллективной психологией неспособными к достиженческой мотивации. Такая мотивация может стать для них определяющей и всепоглощающей, однако только в том случае, если охватывает все общество и превращается в общенациональную идею. Но для этого необходимо эмоциональное единение людей. При таком единении порыв может быть неистовым, страстным, достиженческим. Поэтому особую роль в консолидации обществ подобного типа играют религия или идеология, национальная идея. Есть такая идея – общество спланируется вокруг нее и творит чудеса, как это не раз случалось в нашей истории. У нас, как и у других народов, базовые потребности конкурируют между собой. Но при этом русский лучше откажется от удовлетворения других потребностей, но не от обеспечения духовного единства, общинной жизни, эмоциональной идентификации.

Русская достиженческая мотивация принципиально отличается от западной достиженческой мотивации. На Западе одобряется рационально-достиженческая и даже ростовщически-достиженческая мотивация – ради личного обогащения или обогащения узкого круга лиц за счет других. Но для общинного сознания нехарактерна такая мотивация: ее обладатели просто не уживутся в коллективе, они элементарно не смогут получать эмоциональную признательность от окружающих.

Чтобы быть частью общины, человек должен чувствовать других, понимать, что можно, а что нельзя, что другие одобряют, а что – нет. Без этого психологического механизма существование общинной цивилизации невозможно. В ней желание удовлетворять потребности за счет других блокируется, подавляется, вытесняется. А если какие-либо индивидуалистические начала – например, эгоизм – и проявляются в обществе с эмпатичным типом мотивации, то они выражаются, как правило, в сильно измененном виде.

Так, тот же эгоизм сводится к желанию получить удовлетворение от общения с другими лицами, а общества – с другими народами. Русский человек чувствовал себя комфортно даже тогда, когда приезжал в страны, которым оказывалась помощь, но народы которых жили лучше русских в материальном отношении. Для нас порой лучше что-то отдать, но в ответ получить искреннюю признательность, нежели что-то ухватить себе, но попасть за это под общественное осуждение. Мы всегда искренне желали получить взамен за оказанную помощь признательность, ощутить принятие наших взглядов, идей, чувств.

### Два способа социального конструирования

Влияние на людей с рационально-достиженческими и эмпатично-общинными мотивационными особенностями напрямую зависит от их психологической специфики.

Для рационально-достиженческого типа личности характерна направленность главным образом на реализацию личных целей, кото- ➔

---

**Общинная жизнь на селе никогда не прекращалась. Похороны, рождение ребенка, пожар и пр. всегда были делами общими, коллективными. И человек в условиях общинной психологии никогда не оставался один на один со своим горем**

---

Григорий Мясоедов. Страдная пора (Косцы). 1887 год





не играют принципиальной роли: людей чаще останавливают не внутренние запреты, а законы, сопротивление других людей и рациональная целесообразность. Если риск потерь от достижения поставленной цели выше, чем вероятность победы, то цель может быть отвергнута. При этом моральные нормы в целом не отрицаются, но они достаточно прагматичны.

Такое общество держится более не за счет порывов отдельных людей, а за счет социальной системы, за счет государства, которые гармонизируют интересы индивидов, социальных групп и находят между ними компромисс. Здесь принято уповать больше на институты, нежели на общественное мнение.

Противоречие между богатыми и бедными решается в рационально-достиженческом обществе с помощью механизма демократии, когда богатые отступают ради своего спокойствия. И в результате у бедных постепенно складываются иждивенческие настроения.

Внутреннее развитие личности в рационально-достиженческом обществе в социокультурном и духовном отношении, как правило, проще. Личности тут не нужно тратить особые силы на осознание себя частью общества, ей можно быть менее

ся от нравственных и духовных исканий Льва Толстого и Федора Достоевского.

Содержание идей для рационально-достиженческого общества не играет существенной роли. Идеи здесь служат в качестве способа достижения поставленной цели. Мораль и нравственность также не столь важны, как в эмпатично-общинной среде. Соблюдение законов в рационально-достиженческом обществе важно, но их «умное» нарушение нередко считается доблестью.

Нормы взаимоотношений в рационально-достиженческом обществе выступают как бы компромиссом между лицами, обладающими реальной силой, властью (денежной, военной и др.), и народом. Эти нормы более отражают реальное соотношение возможностей отдельных личностей, нежели их внутренние переживания. И основная моральная норма тут сводится к тому, что личность с большими возможностями (материальными, интеллектуальными, родственными и т. п.) имеет право более полно удовлетворять свои потребности.

Внутренние переживания в рационально-достиженческом обществе должны работать на реализацию поставленной цели. Если такие переживания этому мешают, то они просто подавляются.

В рационально-достиженческом обществе большим авторитетом

#### **Николай Бердяев:**

**«Русский человек будет грабить и наживаться нечистыми путями, но при этом он никогда не будет почитать материальные блага высшей ценностью. <...> Русский человек может быть отчаянным мошенником и преступником, но в глубине души он благоговеет перед святостью и ищет спасения у святых, у их посредничества»**

#### **Благоразумный разбойник. Середина XVII века**

→ рые преимущественно связаны не с внутренним развитием личности, а с обладанием чем-то или кем-то. Но достигая поставленной внешней цели, личность развивается. Поэтому развитие личности зависит от целей, которые она ставит.

Внутренние самоограничения в процессе осуществления этих целей

изопренной в понимании переживаний окружающих, можно меньше подстраиваться под других. Демократические механизмы помогают личности соотнести себя с обществом более эффективно, чем механизмы взаимопонимания или душевные потуги в поисках справедливости и смысла жизни. Нравственные смыслообразующие искания писателей рационально-достиженческого общества отличаются

пользуется тот, кто богаче, кто проще и естественнее удовлетворяет свои потребности.

Для эмпатично-общинной среды характерна совершенно другая картина.

Здесь неперемными условиями являются гармония личных целей с общественными, личностное восприятие социально значимых целей. Такие цели в большинстве своем связаны как с общественными инте-

ресами, так и с внутренними потребностями развития человека.

Внутренние самоограничения, терзания, нравственные поиски могут проявляться при постановке и достижении поставленной цели. При этом отдельные личности в эмпатично-общинной среде в состоянии брать ответственность на себя и ради большинства переступать через общепринятые нормы. Людей здесь способны остановить не столько внешние ограничения, сколько внутренние сомнения, терзания. Такие сомнения и терзания могут идти вразрез и с прагматической необходимостью. Так, вместо того чтобы оценить соотношение сил и сдать врагу, обладающему превосходящими силами, люди эмпатично-общинной культуры вопреки нормальной логике сочтут своим долгом принять бой и погибнуть ради будущего.

Если цель общественно значима и поддерживается большинством, то на ее осуществление будет направлена неистовая энергия – даже если риск поражения выше, чем вероятность победы. И наоборот – если цель не одобряется сколько-либо представительным мнением, то она в большинстве случаев не принимается. Бердяев это выразил так: «Русский человек будет грабить и наживаться нечистыми путями, но при этом он никогда не будет почитать материальные блага высшей ценностью. <...> Русский человек может быть отчаянным мошенником и преступником, но в глубине души он благоговет перед святостью и ищет спасения у святых, у их посредничества».

Общество держится за счет порывов как отдельных людей, так и нации в целом. Единое мнение, миропонимание, единство переживаний в таком обществе для прогресса значат порой неизмеримо больше, чем усилия органов власти и социальных институтов. В свою очередь, этот общий строй мыслей и взглядов определяется авторитетом тех, кто их формулирует, – авторитетом, определяемым не материальным достатком, а склонностью к поиску справедливости, истины и правды, понятных и принятых всем народом. Авторитетность личности зависит от того, насколько она ясно и последовательно выражает архетипы народа, не теряя душевной связи с ним. В таком обществе боль-



Василий Пукирев. Прием приданого в купеческой семье по росписи. 1873 год

---

**Ростовщический тип личности также необходим – благодаря ему происходит концентрация капитала, общество развивается более высокими темпами. Пусть этому настрою сопутствуют безжалостность и бездушность, но нередко эти качества приносят успех в чем-то важном и нужном**

---

шим авторитетом пользуются те, кто более заботится о других, кто свое отдает наиболее обездоленным. Или же те, кто сражается за это и живет этим.

Противоречие между богатыми и бедными в пространстве эмпатично-общинных ценностей решается с помощью эмоционального отношения, общественного мнения или же сметающего всё на своем пути народного гнева. Народ тут простит любое богатство – раздели ты его чаяния и помыслы. И напротив – никакое богатство не поможет, если по отношению к его обладателю накопились ненависть и неприязнь. Никакие современные психо- и политтехнологии, никакие средства массовой информации не в состоянии отмыть политиков, запятнавших себя предательством. И в то же время народ в такой культуре отход-

чив и легко прощает тех, кого еще недавно хотел растерзать, – лишь бы промахи этого человека не вызвали сомнений в его святости, справедливости и человечности. А уж если человек раскаялся в содеянном им, то простить ему могут многое. Истинное раскаяние – это всегда глубокая эмпатия с другими.

Личности в эмпатично-общинной культуре с трудом поддаются рациональному вычислению, формально-логическому пониманию. Это личности ищущие, осознающие себя в мире сем, свои роль и место. На поиск правды, справедливости и смысла жизни у таких людей уходит немало времени. Более всего подобными исканиями управляют эмпатичные переживания, ожидания наиболее значимых, референтных для данного человека людей. Идеи для людей эмпатично-об- ➔





Уильям Блейк. Сострадание. Около 1795 года

**Личности в эмпатично-общинной культуре с трудом поддаются рациональному вычислению, формально-логическому пониманию. На поиск правды, справедливости и смысла жизни у таких людей уходит немало времени. Более всего подобными исканиями управляют эмпатичные переживания, ожидания наиболее значимых, референтных для данного человека людей**

→ щинной культуры нередко оказываются самоцелью, к которой они продолжают идти даже тогда, когда это становится невыгодно.

Мораль, нравственность, общепринятые ценности и нормы поведения играют в этих обществах особую роль – несопоставимо большую, нежели законы и их соблюдение. Общество может не следовать законам, пренебрегать ими, если их требования не отвечают преобладающему мнению.

Нормы взаимоотношений в эмпатично-общинной среде оказываются результатами совместных переживаний. Эти нормы более отражают

реальное соотношение, а порой и столкновение архетипов людей.

Внутренние переживания представителей данной культуры живут нередко своей особой, автономной жизнью, влияя на социально-экономический уклад. Регулярно возникают ситуации, когда внешне, формально-логически целесообразные нормы, правила и законы не соблюдаются, когда они не соответствуют архетипам людей, их психологическим особенностям.

Здесь надо быть вместе со всеми – побеждать и ошибаться, – а если уж и конфликтовать, то порой ради будущего тех лиц, с которыми этот кон-

фликт протекает. Сами же конфликты в эмпатично-общинной среде часто случаются между самыми близкими, самыми дорогими людьми.

Никто в данном обществе не обладает правом безраздельно удовлетворять свои материальные потребности. Минимизация же потребностей выступает своеобразной индальгенцией для человека даже с большим богатством, хотя авторитет богатых и неизмеримо ниже, чем у правдоискателей.

Осуждение окружающих воспринимается тут как одна из самых негативных санкций.

Люди эмпатично-общинной культуры более эмоционально-чувственные, у них более сильная впечатлительность. Это и понятно: данные качества заставляют людей быть вместе, подчиняться общественному мнению, испытывать одинаковые чувства и переживания. В силу этого для данной культуры более значим учет особенностей бессознательного и архетипов при проведении социального конструирования.

Такое общество устойчиво, когда система экономических отношений более или менее стабильна, когда миграция людей минимальна, когда общественное мнение может следить за поведением каждого. Названные условия более соответствуют особенностям жизнедеятельности на селе. Городские условия жизни уже размывают подобное жизнеустройство, так как в них человек может позволить себе удовлетворять свои желания (половые, проявления негативных эмоций и др.), не ориентируясь на неизбежность санкций со стороны общественного мнения. Общественное мнение здесь уже не является всевидящим оком.

Люди тут порой бессознательно ищут человека-диктатора, жесткого правителя, который заставил бы поддерживать заведенные порядки – а значит, уберег бы эмпатично-общинную культуру от разрушительного соседства, сосуществования с рационально-достиженческой культурой.

Ростовщически-достиженческая культура живет эмпатично-общинной культурой, питается ей, паразитирует на ней. Однако не следует идеализировать и эмпатично-общинную культуру. И в ней существует борьба людей, идей, эксплуатация одних другими. Для такой культуры, например, характерно деление людей на общественников и предметников. Общественники – это те, кто лучше и тоньше чувствует окружающих людей и может управлять ими. Предметники же – те, кто более разбирается в технологических процессах, но менее способен управлять общественным мнением. Общественники объединяются и начинают использовать предметников в своих интересах. Общественники чаще оказываются руководящими работниками. Предметников также допускают до руководства, однако чаще всего это случается в критических ситуациях. Но после того как предметник справился с трудностями, его заменяют общественником.

При урбанизации жизненного пространства эмпатично-общинной культуры проживающие в нем личности могут начать бессознательно искать человека, который защитил бы их естественное стремление к равенству и предотвратил бы распад коллективного начала.



Кадр из фильма «Великий диктатор» 1940 года

**При урбанизации жизненного пространства эмпатично-общинной культуры проживающие в нем личности могут начать бессознательно искать человека, который защитил бы их естественное стремление к равенству и предотвратил бы распад коллективного начала. Такая потребность способна актуализировать запрос на установление диктаторского режима**

Такая потребность способна актуализировать запрос на установление диктаторского режима, который силой заставлял бы всех по-прежнему подчиняться единым правилам и тем самым удерживал бы от разрушения социально-психологическую среду, в которой люди данной культуры чувствуют себя комфортно. Поэтому диктаторские режимы более характерны для обществ с эмпатично-общинной культурой, особенно на момент начала ее разрушения частнособственническими устремлениями в складывающихся рыночных отношениях.

Любые социальные нововведения в эмпатично-общинной и рационально-достиженческой культурах должны учитывать психологические особенности и архетипы людей этих культур. Социальное конструирование более безболезненно происходит в рационально-достиженческой культуре. Его закономерности просчитываются логически и в принципе поддаются научному анализу и прогнозу на длительную перспективу. В эмпатично-общинной культуре, где люди более эмоционально-чувственные, без понимания особенностей их бессознательного, их ар-

хетипов сложно рассчитывать на успех. Поэтому социальное конструирование здесь становится искусством, а требования к нему предъявляются достаточно высокие. Организаторы социального конструирования в эмпатично-общинной культуре не должны принадлежать всецело ей, иначе они попросту не смогут быть эффективными при взаимодействии с представителями рационально-достиженческой культуры. Но они не могут быть и совершенно вырванными из данного общества, оторванными от него, так как в таком случае окажутся неспособными чувствовать и понимать поведение людей, их бессознательные инстинкты и стремления.

Если на заре российской государственности русские приглашали к себе «княжити» правителей со стороны, то в настоящее время лиц, способных осознать и сконструировать оптимальную систему управления в России, отражающую национальные архетипы, нужно искать не в среде рационально-достиженческой культуры. Такие искания уже подвели нас к пропасти. **Б**

*Окончание следует*